

Когда художественный руководитель театра, Алексей Попов, позвал меня в свой кабинет и объявил, что по решению руководства театра роль Цезарины в комедии Скриба «Лестница славы» должна играть я, у меня слезы брызнули из глаз. Попов пожал плечами, потом развел руками и, наконец, удивленно спросил: «Почему вы плачете?» В ответ я разревелась еще больше, как малое дитя. Он начал ходить по кабинету и говорить, что это замечательная роль, что любая актриса была бы счастлива ее получить... Я поднялась и молча вышла.

Как это можно, думала я, забившись в какой-то темный угол, поручать мне роль утонченной аристократки, к которой я ни с какого бока не подхожу? Это же явно не моя роль! Зачем же мне ее суют? Явный подвох! Это делается для того, чтобы отвлечь меня от кормилицы в «Ромео», чтобы не дать мне ее сыграть, хотя роль эта была предложена мне совсем недавно, в том же кабинете, тем же Поповым.

Я была так возмущена, что на репетиции Скриба не стала ходить. Но, как это часто бывает в нашем деле, семья оказалось заброшенным и стало помимо моей воли давать и ростки. Мысли нет-нет да и возвращались к скрибовской пьесе и к столь смутившему меня поначалу образу. Рука как-то сама собой тянулась и открывала то томик Бальзака, то Золя, то Гонкуров... Постепенно и непроизвольно я стала все больше втягиваться в материал пьесы и роли. Однажды даже заглянула в подстрочный перевод и обнаружила, что Цезарина, оказывается, была не потомственной аристократкой, а дочкой торговца дровами. «Ага,— подумала я,— вот где собака зарыта! Может быть, здесь и разгадка мучившего меня вопроса? Значит, она не аристократка по крови! Это уже дело другое!»

Мне сразу даже как-то полегчало на душе. Значит, Цезарина носит маску аристократки, и это ей как талантливой женщине вполне удастся. Но «дочь торговца дровами» все-таки должна прорываться наружу — и, вероятно, именно тогда, когда Цезарина теряет власть над собой...

Могла ли я тогда подумать, что буду играть Цезарину на протяжении 15 лет, иногда по 10 спектаклей в месяц? Могла ли я тогда подумать, что исполнение этой роли принесет мне столько творческой радости и удовлетворения, что она откроет какие-то новые грани моих возможностей, что она «перекинет мостик» к королеве Елизавете?!

Сейчас меня очень удивляет, что в молодости при получении новой роли я всегда вначале много плакала: все казалось, мне дают не то, что я могла бы или хотела играть. Да, сейчас мне это кажется странным, но факт — каждую роль я встречала слезами.

Так было, когда я получила эпизод «По ту сторону щели». Столько было слез, что Штрауху пришлось повести меня в ресторан. Утешая меня, он стал рисовать на бумажной салфетке, какая она, эта моя будущая роль. Посмотрев на рисунок, я расхохоталась. И уже никого другого не хотелось играть, кроме этого смешного человечка.

Так было в Театре Революции, когда я начала репетировать Глафиру в глебовской «Инге». Я ходила по коридорам театра с таким расстроенным и заплаканным видом, что повстречавшийся мне Алексей Денисович Дикий, работавший в ту пору у нас в театре, вынужден был взять меня, как ребенка, за руку, посадить в машину и катать по Москве, пока я не успокоилась и не пришла в себя. Тогда он высадил меня из машины и сказал: «Хорошо будешь играть!»

Те же наблюдения были и у Сергея Михайловича Эйзенштейна. Свой творческий портрет «Юдифь» он начинал такими словами:

«В канун третьей годовщины Октября рыдали две девушки.

Одна — в ярко-красном.

Другая — вся в черном...

Юдифь героически глотала слезы.

Но вместе со слезами, по-моему, именно в этот вечер она впервые наглоталась и яда тонкой отравы — любви к строгому рисунку движения, четкости пластического образа, отчетливости внутреннего хода роли».

Но не надо, конечно, думать, что я

только и делала, что плакала. Нет, я еще и работала, работала засучив рукава...

Но вернемся к Цезарине. Постепенно я в нее втянулась. Трудности как раз и стали увлекать больше всего. Незнакомая эпоха, среда, психология... Я увлеченно изучала литературу, иконографию. Встречалась с несравненной мастерицей легкой комедии — Е. М. Грановской, выпытывала у нее тайны ведения французского диалога. Я занималась по тексту и с Сергеем Васильевичем Шервинским — замечательным художником слова, обладающим большим и тонким вкусом. Я стала изучать даже характер самого Цезаря — почему, в самом деле, автор назвал мою героиню именно Цезариной? Смотрела французские фильмы, расспрашивала о Париже, о его нравах и быте Илью Эренбурга...

Оформлял спектакль и делал нам костюмы поразительным, талантливейшим художник Вильямс, большой знаток французской живописи. Рабо-

ство взаимного восхищения». Их девиз, их гимн — песня, которую они распевают: «Во всем друг другу помога-а-а, друг друга кверху поднимая...»

У Цезарины тоже есть свое credo — «власть, золото, наслаждение». И кажется, она достигла всего. Власть — есть. Золото — есть. А вот наслаждения, радости — нет! Все надоело, все приелось... Скучно — до зевоты. Она не знает, что с собой делать.

Такой она и появляется на сцене — с плавными, замедленными движениями, величественная. И рядом где-то под боком ковыляет старикашка супруг. (Уж Штраух постарался, чтобы это сочетание сразу напомнило «Неравный брак» в Третьяковке!). В шикарном наряде из голубого муара с черной панбархатной накидкой, в черных лайковых перчатках, с кружевным зонтиком в руках. На голове изысканно посаженная шляпа со страусовыми перьями, черная вуаль загадочно скрывает половину лица и только горят,

стью старик устраивает семейный скандал и наотрез отказывается ехать хлопотать за Оскара Риго. Цезарине только того и требовалось. «Дело выиграно!» — бросает в публику свое апарте торжествующая Цезарина. Зрительный зал отвечает одобрением: уж больно ловко, виртуозно и по-женски хитро это было проделано!

4 акт. Зимний сад.

Цезарина влюблена! Всеми ее помыслами и делами руководит теперь эта благотворная сила. Она вся расцветает, ум ее блещет всеми своими гранями, как редкий алмаз. Она неузнаваема в своем мягком, женском обаянии. Она ждет благодарности от Эдмона, назначает ему свидание в беседке зимнего сада. Она появляется вся в белом, как невеста в ослепительно подвенечном платье, — опять вся другая! Большие наивные пуфы рукавов. Прическа под Ренуара, с челкой на лбу. А руки в черных кружевных митенках держат большой страусовый веер, который трепещет в ее руках, как живая черная птица. Она счастлива, она вся в ожидании...

И вот он пришел. Красивый, молодой Эдмон. Веер выдает все ее чувства: то он нервно трепещет, то замирает, то закрывает наполовину лицо, когда она вспыхивает, услышав первые слова любви (увы, не к ней обращенные), то парит в медленных и широких взмахах... И вдруг срывается, дрожит, трепещет, как в истерике: Цезарина узнает, что горячие слова любви относятся не к ней, а к падчерице Агате!

Боже, какой ужас! Какое оскорбление! Простушка Зоз перехитрила ее!

Месть, месть, месть! Она не допустит, чтобы Эдмон прошел в депутаты! Она провалит его! «А я к министру, надеюсь, я еще успею!» — восклицает она под занавес.

5 акт. Вестибюль.

Бурно, тревожная увертюра в оркестре.

Занавес раздвигается в этом же темпе.

Трезвонят беспрерывно звонки. Сбегаются в панике лакеи.

А вот врывается и сама Цезарина. Врывается бешено, разъяренно. На ней открытое черное бархатное платье с развевающимся кружевом белых рукавов. Розовые перчатки, на голове лихо посажена маленькая красная шапочка с вуалеткой и спиралью спадающим к плечу страусовым пером. А за спиной развевается кружевная черная с серым накидка. Неотразимый вид! Браво, Вильямс!

Но теперь все ни к чему. Министр ее не принял. Она не в состоянии помешать ненавистному ей теперь Эдмону Варену. Она извергает монолог, как огненную лаву. Она проклинает все на свете. Ах, что же теперь предпринять? Она прикидывает, лихорадочно ищет выхода, приходя то в бешенство, то в отчаяние, то вновь беря себя в руки.

Вот наконец то место, где дочь торговца дровами срывает с себя маску аристократической пристойности. Вот где кульминация роли!

Я ишу эти штрихи с особым удовольствием...

Вдруг пронизывает мысль, что во всем виновата Зоз. Какая-то простушка могла ее перехитрить! Цезарина готова выдарапать ей глаза. Она даже взвизгивает от досады. Удар ладошками, удар по бедрам — и вот она уже стоит, подбоченясь, как рыночная торговка, и испускает хриплый выдох, что-то вроде змеиного шипения. Такой неожиданный контраст с безупречным обликом светской дамы вызывал у публики неизменный восторг.

А дальше — больше. К концу монолога Цезарина обессиленно, со стоном опускается на стул и замирает. Встремленно вбегают шесть лакеев. В руках у одного из них поднос с письмом, Цезарина подбегает к нему и, высоко вскинув ногу, вышибает поднос кончиком туфли. А затем, подхватив свой шлейф, она в ярости разгоняет всех лакеев, разметая их направо и налево.

Но это только один яростно-бешеный взрыв — монолог. Потом внешне как будто все опять входит в свои берега...

А в общем — добродетель торжествует! Эдмон избирается в депутаты. Победительницей выходит милая Зоз, Цезарина падает в обморок. А наивный Эдмон кончает спектакль восторженной тирадой: «Талантливый человек всегда найдет себе место в жизни», на что публика неизменно весело смеялась и награждала финал дружными аплодисментами.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Искусство» выходит сборник «Юдифь Глизер». Он посвящен творчеству замечательной советской актрисы. Она начала свой сценический путь в 1920 году в первом Рабочем театре Пролеткульта.

В книге собраны статьи П. Новицкого, С. Эйзенштейна, А. Эфроса, Е. Суркова, М. Штрауха, О. Мальцева, а также дневниковые записи по отдельным ролям самой Глизер. Образы, созданные ею, всегда поражали глубоким социальным содержанием и обостренным чувством формы. Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из описания роли Цезарины в пьесе Э. Скриба «Лестница славы», которую долгие годы с комедийным блеском играла Ю. Глизер на сцене Театра Революции.

ЦЕЗАРИНА

Юдифь ГЛИЗЕР,
народная артистка РСФСР

тять с ним было для меня одно удовольствие. Он понимал все с полуслова, удивительно легко и талантливо подхватывал все пожелания. Вильямс меня восхищал. Он нашел очень точный образ самого спектакля и его атмосферу. Можно только удивляться, что исследователи почему-то забывают упомянуть в монографиях и статьях о Вильямсе эту превосходнейшую и в полном смысле слова первоклассную работу его!

Над ролью Цезарины я начала работать почему-то с конца, с ее самого трудного места. С пятого акта, там, где Цезарина терпит крушение. Здесь комедийная заваруха достигала своего апогея...

Спектакль в целом получился, по моему, очень удачным.

Думается, потому, что он был поставлен Штраухом (это была его первая постановка) в стиле злого памфлета на буржуазное общество и его нравы. Пьеса в нашей трактовке была совсем не похожа на безобидно-развлекательную комедию. Она звучала современно, перекликаясь с бытом и политической жизнью буржуазного общества нашего века.

Да не зачтется мне это за бахвальство, но [мне] хочется напомнить, что та же пьеса в Ленинградском театре комедии продержалась совсем недолго, прошла не более 30 раз, несмотря на участие в ней блестящей Е. Грановской. А у нас эта пьеса шла на протяжении 15 лет! Надо отдать должное исполнительскому ансамблю спектакля, в котором превосходно играли Е. Страхова, Т. Кирилов, В. Бахарев, В. Ключарев, А. Ф. Белов и другие.

Итак — Цезарина!

2 акт. Сцена в ресторане.

О Цезарине много говорилось в первом акте, однако появляется она только во втором и то ненадолго.

Львица. Дама высшего света. Вертит своим мужем-стариком, паром Франции, как игрушкой. В ее распоряжении группа прохвостов разных профессий, объединившихся в «Обще-

словно крупным планом, ярко-красные, влажные, чувственные губы. Двигается она неторопливо, нехотя, как бы заснятая рапид-съемкой. Сюда, в ресторан, где собирается клуб ее дружков, полезных людей, она заехала с мужем по делу — выставить в депутаты своего племянника Оскара Риго, недалекого и легкомысленного балбеса. Равнодушно отдает распоряжения, выслушивает возражения и комплименты, бесстрастно уходит. Так же бесстрастно, как и пришла...

3 акт. Дом пэра Франции.

Будуар Цезарины. Она в ярко-красном бархатном халате, окаймленном пеной белых кружев. Прическа с начесом а ля Сара Бернар. Бледное лицо и длинные, как опахала, ресницы...

Входит Зоз, подруга по пансиону. Вспоминая молодость, она просит Цезарину помочь выдвинуть в депутаты молодого талантливого адвоката Эдмона Варена (в него Цезарина когда-то была влюблена) и передает ей записку, в которой Эдмон объясняется какой-то даме в любви. Зоз убеждает Цезарину, что любовные излияния относятся именно к ней. Былая страсть мгновенно вспыхивает в Цезарине. Она жаждет счастья, и голова ее начинает лихорадочно работать. Она требует, чтобы доктор Бернард, ее правая рука во всех махинациях, немедленно произвел вольт в 180 градусов: вместо Оскара Риго провед в депутаты Эдмона Варена! Доктор в ужасе: как же это сделать? Как остановить колесо, запущенное ею же самой, а потом заставить вертеться его в обратном направлении?

Действие переносится из будуара в салон. Пэр Франции Мирмон в полной готовности: он едет помогать продвижению в депутаты Оскара Риго. Появляется Цезарина в новом туалете — черно-желтом эмееподобном платье. Напряженное ожидание — что она теперь предпримет? Как выйдет из положения? К ужасу Зоз и удивлению Бернарда, она торопит старика с отъездом. Но тут же затевает флирт с Оскаром и постепенно доводит его до такого градуса, что взбешенный ревно-

23 МАР 1969